

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

Код Мандельштама

Галина Марковна Артемьева

Код Мандельштама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3083725

Код Мандельштама/ Артемьева Галина: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-39245-0

Аннотация

Галина Артемьева, автор многочисленных бестселлеров художественной и прикладной литературы, пишет об одном из самых любимых своих поэтов. Эта биография настолько необычна и глубока, что совершенно по-новому начинаешь смотреть не только на Мандельштама, но и на всю историю Той России. Это скорее не биография, а блестящая шахматная партия, которую Артемьева разыграла с Эпохой и Словом.

Содержание

Слово: от свободы к несвободе	4
Ступени жизни	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Галина Артемьева

Код Мандельштама

Константину Лифшицу

*Я читал словарь. Я думал, что это
стихотворение обо всем.*

Стивен Райт

Слово: от свободы к несвободе

Есть ощущение, знакомое многим. Его можно обозначить словами «*мой человек*». Для тех, чей дух нуждается в упоении искусством, есть и другие формулы: *мой поэт, моя музыка*.

Погружаясь в кажущийся родственным мир чужого творческого течения мысли, находишь то *свое*, что с первого, даже любовного, взгляда было сокрыто. Потом, сроднившись душой с тем, что открылось, даешь *своему* поэту *имя*.

Так Осип Мандельштам получил имена СВОБОДА и СЛОВО:

И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был... <...>
Я книгой был...

Каждое это имя ведет за собой.

И раз уж имена эти объединились в разговоре об одном поэте, начнем с вопроса, быть может, неразрешимого: свобода слова станет нашим первоначальным предметом, своего рода прологом к тому, о чем пойдет речь дальше.

Существуют лихие афоризмы, бездумно подхваченные в юности, такие козырные карты памяти – «Ты о свободе?».

А вот: «Искусство рождается принуждением, живет в борьбе и **умирает от свободы** (выделено мной. – Г. А.)»¹.

И, понимая «принуждение» как необходимость ежечасного совершенствования, смиряешься поначалу с тем, *что* Андре Жид считает причиной смерти искусства.

Свобода – убийца.

Возможно ли такое?

Свобода и смерть?

Свобода или смерть?

Смерть от свободы?

А как получилось у Мандельштама?

Его творчество – от свободы к несвободе – какие видоизменения претерпело? Исказился ли заданный изначально «кремнистый путь из старой песни»?

А быть может, благодаря несвободе взял круто вверх, ведя к колючей его звезде?

¹ Жид А. В кн.: Исполнительское искусство зарубежных стран. Вып. 9. М.: Музыка, 1981. С. 91.

Мандельштам, один из величайших наших стихотворцев, от несвободы погиб.

Но чем она, несвобода, наполнила его творчество, какими красками окрасила слова?

«Человек – это лишь тростник, и притом очень слабый по природе, но этот тростник мыслит. Незачем целой вселенной ополчаться, чтобы его раздавить. Пара, капли воды достаточно, чтобы его раздавить. Но если бы даже вселенная раздавила его, человек все-таки был бы более благороден, чем то, что его убивает, потому что он знает, что он умирает, а вселенная ничего не знает о том преимуществе, которое она имеет над ним. Итак, все наше достоинство состоит в мысли. В этом отношении мы должны возвышать себя, а не в отношении к пространству и времени, которое мы не сумели бы наполнить»².

Первая, изначальная и только человеческая из всего живого мира свобода – свобода мысли, которую можно отнять только с жизнью.

Что знала вселенная, уменьшившаяся до размеров пала-
ческого кулака, о человеке, которого ей предстояло разда-
вить?

А его провидческое знание о близкой смерти – как влияло на его творчество?

Какие *слова* вышептывала *свобода*, умирая?

² Паскаль Б. Мысли о религии. М., 1899. С. 278.

О, как же я хочу —
Нечуемый никем —
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.
А ты в кругу лучись —
Другого счастья нет —
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Все достоинство Мандельштама – в его Даре Слова, и в этом его безусловное превосходство над своим временем, над необозримым лагерным пространством своей страны.

Но вернемся к теме свободы слова.

Понятие это широчайшее, нуждающееся в детальной конкретизации отдельных его сторон.

Рассмотрим его основные грани, обратившись к проблеме художественного самовыражения человеческого духа.

Важнейший внутренний фактор свободного самовыражения – степень таланта творческой личности, поскольку, как показывает история культуры всего человечества, именно гениально одаренные творцы в поисках смысла, истины и красоты человеческого бытия преодолевали порог естественного стремления сохранить себя ради того, чтобы свободно и безусловно самовыразиться.

Само по себе слово «одаренность» подразумевает наличие высшего дара.

В чем, прежде всего, суть этого дара, отличающего творца от всех остальных?

Он всем своим существом устремлен к Тому, Кто его этим даром оделил.

Чаще всего такая личность ощущает себя природно свободной. А иначе творить невозможно, попросту исключено.

«Мне свойственна изначальная свобода» – вот важнейшая характеристика человека, наделенного творческим даром³.

Чувствуя свою прямую связь с Творцом, гениально одаренный человек испытывает отвращение и презрение к властям земным.

Это не проявление гордыни, это естественное следствие его мироощущения.

Такой природной, внутренней свободой напитано каждое слово гения. В его устах слово есть «Действующая сила. Глагол творящий»⁴.

Хрестоматийное: за Слово ссылали, лишали жизни. Радищев. Пушкин. Лермонтов...

«Темен жребий русского поэта...» – гениальная формула Максимилиана Волошина.

Детское удивление: за что сослали поэта Пушкина, поэта Лермонтова – что они такого сделали?

Просто за стихок?

У нашего современника поэта Анатолия Жигулина, про-

³ Бердяев Н. Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 29.

⁴ Чаадаев П. Избранные сочинения и письма. М.: Правда, 1991. С. 160.

шедшего тюрьмы и лагеря послевоенной сталинской люто-
сти, есть стихотворение о том, как в одиночной камере он,
семнадцатилетний, декламировал «Смерть поэта» Лермон-
това: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата»... и тогда:

...в камеру врывался надзиратель
С испуганным дежурным офицером.
Они кричали: «Как ты смеешь, сволочь,
Читать **антисоветские** стихи!»

(Выделено мной. – Г. А.)

Власть кишками чувствует вольное слово гения.

Стихотворение 1837 года, неотъемлемая часть советской
школьной программы, в силу несмирения духа, воплотивше-
гося в нем, совершенно естественно воспринималось добро-
совестными тюремщиками 1947 года как антисоветское.

Это самая яркая иллюстрация того, что свободное слово
обречено на вневременную опалу у палачей.

«Слово! – А что такое Слово? <...> Взгляните на поле сра-
жения: сотни полков подвиглись, в одно время вдруг броса-
ются они на неприятеля – одно мановение, одно слово на-
чальника тому причиною. – Вот слабое подобие глагола мо-
гущего, который яснее и звонче всякого голоса в ограничен-
ном пространстве раздаётся в беспредельности вселенной, –
и этот глагол есть слово...»⁵

⁵ Чаадаев П. Избранные сочинения и письма. М.: Правда, 1991. С.160.

Зачастую человек даже не осознает, какие силы заставляют его рваться душой к тому, что он называет свободой: «...в душе своей человек остро чувствует тлеющий и в иные мгновения выбивающийся из природы мистический огонь бытия, свободного от всякой подчиненности.

...И рождается в свободолюбивой душе человеческой вопрос: как мог безусловно свободный Бог создать такой рабский, такой жалкий мир, обусловленный законами природной необходимости? Такая могучая сила как скупое она использована!

<...> Итак, свободный Бог создал несвободный мир»⁶.

Творческая личность чувствует свою связь с абсолютной свободой Творца и осознает свою миссию.

В этом заключается одновременно и трагедия и преимущество словотворца перед социумом, в котором он обитает. Нить, связующая с абсолютной свободой, обрекает его в то же время на одиночество, лишая возможности жить в молчаливом согласии с конвенциями и предрассудками времени.

Когда духовная жажда индивидуума настолько сильна, что сливается с Божьей волей, рождается Пророк, чья миссия, услышанная и осознанная, гениально сформулирована Пушкиным:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей,

⁶ Эрберг К. Цель творчества. М.: Вузовская книга, 2000. С. 40.

И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

У Пушкина Глагол, Слово тесно связано со Свободой.

И то и другое – дар свыше.
И то и другое – благодать и крест.
Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя,
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Подлинный поэт не может называться иначе, чем «свободы сеятель пустынный» – одинокий провозвестник свободы, изначально не дарованной человеку.

Однако не только высшая воля избирает творца слова.

Важна и устремленность воли самого человека: он получает свободы столько, сколько заслужит.

«В пушкинском мире становится зримым объективное *ценностное неравенство* под равно изливаемым на всех светом: оно возникает не в результате навязанного извне, автором, ценностного порядка, а свободно, ибо оно зависит от самого освещаемого, от того положения, «которое герой, его поступок, его помысел, его идея» заняли относительно солн-

ца правды, озаряющего пушкинский мир с его вершинами и ущельями человеческого духа»⁷.

Лермонтовский пророк пожинает плоды полученной свыше благодати в человеческом мире:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья,
В меня все ближние мои
Бросали бешено камни.

Тот, кому подарено Слово, в несвободном человеческом обществе подвергается угнетению: притеснениям и изгнанию, тюрьме и пыткам, смерти.

Писательство – одно из высших проявлений свободы.

Носитель этой свободы – слово.

Нередко оно само становится объектом агрессии.

Книги сжигают, газеты запрещают, тексты подвергают цензуре.

Однако власть, держащаяся на несвободе, бесправии, произволе, подвергая гонениям носителей слова, из недр самой себя рождает бунт.

Человек бунтует не столько против подавляющей власти, сколько против собственного страха, против таящегося в нем самом мрака.

«Бунт есть требование прозрачности, в одно мгновение

⁷ *Непомнящий В.* Поэзия и судьба. М.: АО «Московские учебники», 1999, с.19.

он ставит весь мир под вопрос. Подобно тому как опасность дает человеку незаменимый случай постичь самого себя, метафизический бунт представляет сознанию все поле опыта. Бунт есть постоянная данность человека самому себе. Это не устремление, ведь бунт лишен надежды. Бунт есть уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения, обычно ее сопровождающего»⁸.

Человек, живший жизнью Слова, Мандельштам явственно ощущал собственную участь, свою пророческую обреченность: «В жизни слова наступила героическая эра. Слово – плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание. Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время. Время хочет пожрать государство. Как трубный глас звучит угроза, нацарапанная Державиным на грифельной доске. Кто поднимет слово и покажет его времени, как священник евхаристию, – будет вторым Иисусом Навином. Нет ничего более голодного, чем современное государство, а голодное государство страшнее голодного человека. Сострадание к государству, отрицающему слово, – общественный путь и подвиг современного поэта»⁹.

Свободное слово жило в страшной реальности.

Любой поэт – в плену у времени, в котором выпало ему творить.

⁸ Камю А. Бунтующий человек. М.: Политическая литература, 1990. С. 53.

⁹ Мандельштам О. Слово и культура. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература. 1990. С. 170–171.

И каждый, часто не желая того, вопреки собственной жажде жизни, пытается сражаться со временем, с этой своей несвободой, и этим делается его биография здесь.

И в этом трагедия и правда его человеческого существования.

Жизнь Мандельштама неотделима от его слова.

Следуя всего лишь за одним словом его поэзии, рассматривая, как свободно оно «выбирает как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело»¹⁰, можно определить основные этапы творческого пути поэта, а также выявить глубинные смысловые структуры слова и заложенную в них информацию, так как «поверхностная структура часто является обманчивой и неинформативной <...> и наше знание языка включает свойства, гораздо более абстрактной природы, не обозначаемые явным образом в поверхностной структуре»¹¹.

Да, говорят, по капле океанской воды можно рассказать об океане.

И есть в русской поэзии гениальное блоковское из стихотворения «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»:

Случайно на ноже карманном

¹⁰ Мандельштам О. Слово и культура. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература. 1990. С. 170–171.

¹¹ Хомский Н. Язык и мышление. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. С. 49.

Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.

Что же такое одно-единственное слово во всем лирическом наследии поэта?

- Та самая капля, раскрывающая формулу океана.
- Та самая пылинка, из которой вырастает бесконечный цветной туманный мир.
- Тот самый тайный код, разгадав который поймешь душу и путеводную звезду поэта.

Помню, как нам, аспирантам, А. Ф. Лосев рассказывал, как позвонил ему приятель и попросил посоветовать, что взять с собой в отпуск почитать.

– Возьми словарь, – посоветовал Алексей Федорович. – Самое увлекательное чтение. Оторваться невозможно.

В этом приятельском совете, в этом полушутливом рассказе нам, его ученикам, высказал наш Учитель то, что составляло основу его философского мировоззрения. В нем – этом рассказике – выразилось его отношение к слову, без которого «нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием»¹².

Вот предложенный А. Ф. Лосевым метод: «...взять эйдос

¹² Лосев А. Ф. *Философия имени* // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 24.

или логос в отрыве от всех прочих моментов и проследить, как функционирует такой эйдос или логос в разных судьбах целостно зримой мною сущности»¹³.

Интересная картина открылась, когда собрались один к одному все стихи, в которых Осип Мандельштам обращался к ночи, думал о ней и о событиях, ее наполнявших. И в результате – одно слово открыло судьбу поэта. Как на ладони. Как та самая «пылинка на краешке ножа».

В первом издании книги, посвященной истории слова «ночь» в лирике Мандельштама, я не приводила основные факты биографии поэта, посчитав, что достаточно рассмотреть слово как таковое – оно само все расскажет.

Однако, по совету моих заинтересованных читателей, в этом издании решено предварительно привести краткий биографический очерк жизни поэта. Это сделает сам процесс наблюдения того, как живет одно слово в его поэзии, более наглядным и ясным.

¹³ Там же. С. 186. Эйдос (*др. – греч.*) вид, облик, образ; здесь – структура, интерпретирующая исходный смысл понятия; логос (*греч.*) слово.

Ступени жизни

Биография каждого человека может быть изложена на одной-двух страничках. Основные события:

Осип Эмильевич Мандельштам родился «в ночь с второго на третье // Января января – в девяносто одном // Ненадежном году» – так написано им самим в «Стихах о неизвестном солдате».

Место рождения – Варшава (тогда – столица Царства Польского, входившего в состав Российской империи).

Отец – Эмилий Вениаминович (Эмиль, Хаскл, Хацкель Вениаминович) Мандельштам (1856–1938).

Мать – Флора Осиповна Вербловская (1866–1916).

В 1894-м семья переехала в Павловск.

С 1897-го Мандельштамы жили в Петербурге.

В 1899 поступил в Тенишевское коммерческое училище, которое закончил в 1907-м.

В сентябре того же, 1907-го уехал в Париж, чтобы продолжить образование в Сорбонне.

В 1909 посещал знаменитую «башню» Вячеслава Иванова в Петербурге.

С сентября 1909-го учился в Гейдельберге (Германия), в университете.

Через год, в октябре 1910, вернулся в Петербург. В «Апол-

лоне» опубликованы впервые его стихи.

В марте 1911 – знакомство с Анной Ахматовой (на «башне» у Вяч. Иванова);

в мае 1911-го был крещен в Выборге в епископско-методистской церкви;

в сентябре 1911 был зачислен в Петербургский университет.

В 1912-м вошел в группу акмеистов.

В марте 1913-го увидела свет первая книга поэта «Камень». В конце 1915-го было осуществлено второе издание «Камня».

Август 1914 – началась Первая мировая война.

В 1916-м умерла мать поэта.

1917-й. Февраль – жил в Петрограде. Ездил в Крым. Октябрь – вернулся в Петроград.

В 1919 году познакомился со своей будущей женой – Надеждой Хазиной (брак зарегистрировал в 1922 году).

В августе 1922-го вышла книга *Tristia*.

В 1923-м – «Вторая книга». Поэт написал «Шум времени», который увидел свет в мае 1925-го.

С 1918 по 1922-й были годами скитаний по России.

С 1924 по 1929 жил в основном в Ленинграде.

В мае 1928 вышли «Стихотворения», месяцем позже – сборник статей «О поэзии». Осенью 1928-го произошел разрыв с писательским миром (в связи с обработкой переводов «Тилиа Уленшпигеля» Мандельштамом и незаслуженны-

ми обвинениями, последовавшими в его адрес).

В 1929-м и начале 1930-го жил в Москве. В августе 1929-го поступил в редакцию газеты «Московский комсомолец» (заведовал отделом поэзии). В феврале 1930-го ушел из газеты.

В апреле 1930-го совершил поездку в Сухум-Тифлис-Ереван.

С 1931 года жил в Москве. В 1933-м было опубликовано его «Путешествие в Армению». В 1933-м у Мандельштамов появилась кооперативная квартира в Нащокинском переулке.

Осень 1933-го – было создано антисталинское стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...».

В мае 1934-го произошли обыск, арест. Далее последовала высылка в Чердынь. Была совершена попытка самоубийства. Позже Чердынь заменили на Воронеж.

С 1934 по 1937 год – годы воронежской ссылки, где Мандельштам находился вместе с женой.

Весной 1935-го после длительного перерыва начал вновь писать стихи.

В феврале 1937-го работал над «Стихами о неизвестном солдате».

16 мая 1937 года получил разрешение выехать из Воронежа. Мандельштамы отправились в Москву, но жить в Москве поэту было запрещено. Отныне – Подмосковье – Ленинград – Москва стали пунктами его последних метаний.

Зимой 1937 по начало марта 1938-го жили в Калининне.

8 марта 1938 года приехали в санаторий в Саматихе.

2 мая Мандельштама арестовывали в этом санатории.

2 августа был оглашен приговор: пять лет лагерей за контрреволюционную деятельность.

Во Владивостоке, в лагере на Второй речке, 27 декабря 1938 года Осип Мандельштам скончался.

Это теперь о поэте Осипе Мандельштаме опубликовано много – и исследований творчества (наших и зарубежных), и мемуаров, и биографий.

Но несколько десятилетий после смерти, казалось, поэт исчез бесследно. Навсегда. Окончательно и бесповоротно.

Однако, как выясняется, у великих поэтов – свои судьбы, своя продолжительность жизни – даже после смерти.

Мне сейчас хотелось бы остановиться – вполне произвольно – на некоторых моментах-ступеньках его жизни.

Остановиться, оглядеться. О чем-то себя спросить. О времени... Том ли? Этом ли, нашем? О местах, людях...

Пусть эта часть станет вопросами по поводу...

Некими фрагментами размышлений.

Хорошо сказал Хулио Кортасар: «На самом деле каждый из нас – театральная пьеса, которую смотрят со второго акта. Все очень мило, но ничего не понять».

Да мы и сами порой не понимаем, почему «во втором акте» сюжет нашей жизни разворачивается так, а не иначе. И

обращаемся к «акту первому» – к вопросам: откуда я? почему я именно здесь? и... много еще разных «почему» связано с тем, что предшествовало нашему появлению на свет и с первыми годами жизни... Недаром многие писатели входили в мир большой литературы именно с воспоминаниями о детских годах (один из самых ярких примеров – «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого).

Детство и юность поэта... Дописьменный (до-творческий) период...

Хотя – обо всем есть в стихах, есть в его воспоминаниях... Остановимся все же на каких-то ступеньках...

Год рождения Осипа Мандельштама.
1891.

И почему поэт назвал этот год ненадежным?..
Именно этот год...

В России правит император Александр III Миротворец. Одна из главных целей, поставленных им, – мирное сосуществование с другими державами. И – если говорить о внутренней политике – никаких уступок либералам.

В 1881 году выходит «Манифест о незыблемости самодержавия».

Жизнь, кажется, так и будет проходить: незыблемо-глухо. На смену восьмидесятым пришли девяностые годы.

Сомерсет Моэм их обозначает так: «Экстравагантные девяностые годы пробудили интеллигенцию от апатии, напол-

нили ее беспокойством и неудовлетворенностью, ничего не дав взамен. Старые идола были разрушены, но место их заняли кумиры из папье-маше. Девяностые много говорили об искусстве и литературе, но произведения этого времени были похожи на заводных зайчиков, которые скачут после того, как их завели, но останавливаются с щелчком, когда завод закончился»¹⁴.

Осип Мандельштам напишет о девяностых: «Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм – тихую заводь: последнее убежище умирающего века. <...>...девяностые годы слагаются в моем представлении из картин, разорванных, но внутренне связанных тихим убожеством и болезненной, обреченной провинциальностью умирающей жизни.

Широкие буфы дамских рукавов, пышно взбитые плечи и обтянутые локти, перетянутые осиные талии, усы, эспаньолки, холеные бороды...» («Шум времени»).

До России, видимо, экстравагантность европейских девяностых дошла лишь в виде буфов на дамских рукавах...

Самодержавие незыблемо. Император молод, крепок, могуч.

Перемены невозможны.

1891 год интересен уже тем, что в этом году появились на

¹⁴ *Мозм С.* Записные книжки. М.: Вагриус, 2001.

свет Осип Мандельштам, Сергей Прокофьев, Михаил Булгаков – всемирно признанные гении русского искусства.

1891-й, кроме того, – год рождения выдающегося немецкого поэта Йоганнеса Бехера, американского писателя Генри Миллера, Лили Брик, Ильи Эренбурга...

У каждого поколения – свой выбор, свои сети, своя пагу-ба.

У поколения, рожденного в первый год девяностых (конца XIX века), выбор оказался жесточайшим – уж очень страшные испытания готовил им будущий, двадцатый век.

Вот – попутно – судьба одного человека, с Мандельштамом связанного лишь годом рождения. Но его пример ярко показывает, с чем приходилось сталкиваться в те годы буквально каждому.

Пауль Грюнингер, родившийся 27 октября 1891 года, – швейцарец, входящий сейчас в список «праведников народов мира». Не поэт, не музыкант, не художник. Шеф полиции кантона Санкт-Галлен. В 1938 году, после аншлюса (присоединения) Австрии к гитлеровской Германии многие еврейские беженцы пытались спастись в Швейцарии. Через несколько месяцев правительство Швейцарии объявило: «Корабль полон» – и закрыло границы для жертв нацизма.

Пауль Грюнингер политикой никогда не занимался, в движении Сопротивления не участвовал. Это был честный полицейский служака, свято чтивший устав.

Однако реальность заставила его пренебречь служебным

долгом. Он видел тысячи измученных, бесправных, лишенных всего людей, обреченных на смерть в случае их возвращения в Австрию.

Ему пришлось сделать выбор. Он выбирал между нравственным законом и между законом государства. И, в отличие от тысяч и тысяч, выбрал в пользу человечности.

Пауль Грюninger пропускал беженцев на территорию Швейцарии, проставляя в их паспортах даты въезда до закрытия границ. Таким образом он спас 3601 человека.

Итог: уголовное дело, суд, приговор, лишивший его звания, должности, права на госслужбу. Скромная, скудная жизнь.

Так простой полицейский вошел в историю. Теперь его именем и улицы названы, и сам он именован «Праведником народов мира».

Удивительный подвиг – ведь правда? Выбрать путь спасения людей, а не отвернуться равнодушно...

Весь XX век – век страшного выбора между жизнью и смертью, подлостью и высотой подвига, страхом и свободой...

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,

Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней...

Так ощущал хищность своего века-зверя поэт, родившийся в начале девяностых, «глухих годов».

А почему все-таки 1891-й – ненадежный?

Кстати, а если бы сейчас назвали мы ненадежным 1991-й? Все ли, родившиеся в этом году или несколькими годами позже, точно знали ответ, за что же он так назван? В годовщину путча августа 1991-го провели опрос среди наших двадцатилетних граждан. Мало кто мог вразумительно объяснить, что за путч такой произошел в год их рождения. А уж аббревиатуру ГКЧП не сумел расшифровать никто.

А мы тут о 1891-м!

И все же...

Некоторые современники тогдашних событий считали, что именно 1891-й год положил начало бедам России.

В конце апреля 1891-го во время визита в Японию цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) произошел так называемый инцидент в Оцу.

Цесаревич совершал в 1891 году кругосветное путешествие и по пути во Владивосток, где он должен был присутствовать на церемонии начала строительства Транссибирской железной дороги, посетил Японию.

Когда Николай Александрович проезжал через Оцу (ма-

ленький городок на пути его следования), японский полицейский Цуда Синдзо, которому поручено было обеспечивать безопасность следования цесаревича, напал на него с саблей. Он собирался нанести смертельный удар, но в самый момент взмаха сабли цесаревич обернулся, и клинок лишь скользнул по голове, оставив след на лице. Шрам от удара саблей так и остался – как памятный знак – на лице императора Николая II до конца его дней.

От повторного удара цесаревич был спасен двумя рикшами и принцем Георгом, сбившим с ног нападавшего.

На следующий день император Мэйдзи специально приехал из Токио в Кобэ, чтобы принести свои извинения Николаю Александровичу¹⁵.

Существует устойчивое мнение, что в истоках Русско-японской войны 1904–1905 годов находится именно описанный инцидент в Оцу. Якобы то происшествие породило у будущего российского императора негативное чувство к Японии. Война России с Японией стала итогом этого чувства.

Так, например, бывший министр финансов Сергей Витте убежденно писал в своих мемуарах, что «это событие (поку-

¹⁵ На суде Цуда Сандзо показал, что совершил покушение, считая цесаревича шпионом. Цуда Сандзо родился в самурайской семье. Будучи призванным в армию, он участвовал в подавлении восстания самураев под предводительством Сайго Такамори. Такамори считался символом японского духа и самоотверженности. Именно тот факт, что Сандзо вынужденно действовал против Такамори, и привел его к внутреннему конфликту, состоянию «нечистой совести». Очевидно, своим безумным поступком он намеревался снять с себя груз ошущаемой долгие годы вины.

шение) вызвало в душе будущего императора отрицательное отношение к японцам»¹⁶.

Русско-японская война стала одним из факторов, приведших к революции 1905–1907 годов, создавшей предпосылки для свержения российской монархии в 1917-м.

Вот такие круги по воде... Инцидент 1891-го... Ненадежный год...

А в остальном – опять же словами поэта: девяностые, их «болезненное спокойствие»... Век умирает...

А теперь о месте рождения Осипа Мандельштама.

Варшава. В те времена – самый большой еврейский город Европы. К концу XIX века евреи составляли здесь 36 процентов населения.

Исаак Башевис Зингер писал: «Предки мои поселились в Польше за шесть или семь столетий до моего рождения, однако по-польски я знал лишь несколько слов. Мы жили в Варшаве на Крохмальной улице. Этот район Варшавы можно было бы назвать еврейским гетто, хотя на самом деле евреи <...> могли жить где угодно» («Шоша»)¹⁷.

Обратим внимание на это: евреи «могли жить где угодно». В пределах Варшавы – да. И во многих определенных для

¹⁶ Витте С. Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991. С. 288.

¹⁷ Исаак Башевис Зингер (родился 14 июля 1904 года, в Леончине (под Варшавой), Царство Польское, Российская империя, умер 24 июня 1991 года в США) – еврейский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1978 год, писал на идише.

их жительства городах и местечках Российской империи. То есть – в пределах черты оседлости¹⁸.

Отец поэта Эмилий Вениаминович Мандельштам (1856–1938) был мастером перчаточного дела, купцом первой гильдии, что давало право жить вне черты оседлости.

¹⁸ Черта оседлости – с конца 1791 года по 1915-й – граница территории в пределах Российской империи, за которой постоянное жительство евреям было запрещено. (Имеются в виду евреи по религиозной принадлежности, то есть исповедовавшие иудаизм.) Исключения: купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, рекруты, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам. Если еврей принимал христианство, все ограничения в отношении места жительства снимались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.